

Учение и жизнь / Арабская сказка

Category: Ertekiler, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Учение и жизнь / Арабская сказка УЧЕНИЕ И ЖИЗНЬ

«Grau, teurer Freund, ist alle Theorie Und grun des Lebens goldner Baum». **Mephistopheles. «Faust»**

(«Сера, мой друг, теория везде, Златое древо жизни зеленеет».

Мефистофель. «Фауст» – нем. – Перевод В.Я.Брюсова)

Султан Эбн-Эль-Даид, – да будет имя его хоть наполовину так прославлено потомством, как славил его придворные, – созвал своих приближенных, – тридцать благородных юношей, воспитанных вместе с ним по-царски, – и сказал.

Эбн-Эль-Даид был молодым, но мудрым султаном. Он читал мудрецов, что случается со многими. И слушал их, чего не бывает почти ни с кем.

Он сказал:

– Только добродетель почтенна. Порок заслуживает презрения.

Воздержание ведет к добродетели. Невоздержание родит порок, и порок родит невоздержание. Так змея, рождаясь от змеи, родит змеенышей. Надо идти тем путем, который приведет в цветущий сад, – надо избегать того пути, в конце которого бездонная пропасть, хотя бы путь этот и был усыпан цветами. Воздержание лучше невоздержания.

Он посмотрел на юношей-друзей и спросил:

– Кто скажет, что уста мои произнесли ложь и глупость?

Юноши поклонились и ответили:

– Мудрость избрала тебя, чтоб вещать, – как соловей выбирает самый цветущий куст роз, чтобы в нем петь.

Султан улыбнулся и сказал:

– Пророк повелел женщине закрывать свое лицо. Женщина стала ткать чадры, прозрачные, как паутина. Она закрывает свое лицо, – и все его видят. Женщина обманула пророка. Чего же ждать от

них нам, простым смертным?

Он положил руку на меч, лежавший на книге, и сказал:

– Обещаю, – и добродетелью клянусь исполнить обещанное. Объявляю отныне городу и всей стране. Если какая-нибудь красивая женщина осмелится показаться в моем дворце, или в саду при моем дворце, или вблизи моего дворца, или вблизи сада при дворце, – с ней будет поступлено так, как поступаем мы с человеком, задумавшим убийство. Мы обезоруживаем его. У виновной будет отрезан нос, отрезаны уши, – и я оставляю ей язык только для того, чтоб этот урод надоедал всем рассказами о своей прежней красоте. Я сказал. Это сделано.

Он протянул руки друзьям и сказал:

– А мы здесь, в тишине дворца и ароматном покое нашего сада, предадимся наукам и размышлениям, никем не тревожимые, кроме наших высоких мыслей!

И все хвалили добродетель султана и мудрость, с которой он ведет других к добродетели.

А глашатаи объявили на перекрестках и базарах волю султана.

На всех женщин во всем Багдаде напал ужас. Султан говорил о красивых, – и потому повеление все женщины приняли на свой счет.

Женщины боялись улицы, которая могла привести на улицу, соседнюю с той, что шла ко дворцу султана.

В саду дворца росли дивные цветы, и к цветникам вели тенистые аллеи.

Но когда ветер приносил в город благоухание дворцового сада, – женщины с ужасом бежали от этого аромата как от дыхания чумы.

И если им снились во сне тенистые аллеи султанского сада, по которым они любили гулять, – то женщины в ужасе просыпались и спросонья кричали:

– Спасите! мне режут нос!

Тихо было во дворце и саду. Все было полно спокойного размышления. Задумчиво бродили по тенистым аллеям юноши, воспитанные по-царски. Царили добродетель и мудрость.

Прошел год.

Ветер, который приносится с полдня, прилетел и раскрыл чашки цветов. Ветер, несущийся из суровых ночных стран, где,

говорят, родится золото, принесся и золотом одел деревья. И снова принесся влажный и теплый ветер с полудня, и снова раскрылись чашки цветов.

Была лунная ночь.

По снегу из опавших цветов яблоней шел Эбн-Эль-Даид по дорожке сада, полный размышлений.

Гремели соловьи.

Вдруг из-за куста пурпурных роз, которые казались огромными черными цветами при ярком лунном свете, раздался поцелуй.

Кто-то шептал, задыхаясь:

– Ты прекраснее неба, цветов, весны...

А из-за густой стены олеандров доносился другой страстный шепот:

– Зачем ждать смерти, чтоб насладиться раем? Рай пророка – ты! И звучал поцелуй.

Все кусты шептали, и словно все розы целовались. Задрожав от негодования, султан Эбн-Эль-Даид побежал во дворец и крикнул евнуху, дремавшему в углу:

– Измена! Женщины! Опасность!

В ужасе евнух ударил в огромный барабан. Все двери и окна дворца вспыхнули светом. Оружие проснулось и заговорило. Весь сад в одно мгновение был окружен воинами. И длинной вереницей, при ярком свете луны, под стражей шли тридцать юношей.

Рядом с каждым шла женщина, дрожа, чуть не падая, кутаясь в чадру, несмотря на ночь.

Их ввели во внутренний двор, где на троне ждал их с бледным от гнева лицом султан Эбн-Эль-Даид.

Перед ним на коленях стоял с мечом палач и глядел жадным взором в глаза повелителю, как смотрит собака, ждущая, что хозяин бросит ей подачку.

Печально обратился султан к одному из юношей:

– Рахейд! Ты был первым в моей дружбе, будь первым в моей Немилости!

И указав с презрением на стоявшую рядом с юношей закутанную женщину, – султан поднялся и гневно крикнул:

– Сорвать покрывало с негодной! Мы хотим видеть то оружие, которым она поразила нас в сердце, отнявши любимого из друзей.

Евнух с ругательством сдернул покрывало. И евнух отступил.

Султан зашатался и упал на трон.

– Кто это? – прошептал султан. Перед ним стояла старая кривая женщина. – Кто это? – прошептал султан.

– Судомойка Акнэ! – отвечал, падая ниц, главный евнух. – Негодная женщина, оставленная во дворце только за ее безобразие! Она мыла посуду в кухне. Прикажи, повелитель, отрезать ей нос и уши!

– Не надо! – покачал головой султан. – Не уменьшай ее уродства!

Пусть эта женщина только закроется!

И с отвращением отвернувшись от нее, султан приказал:

– Следующая!

Евнух, дрожа, сорвал покрывало. Это была кривобокая, хромая поломойка.

– Следующая! – с отвращением и в ужасе закричал султан.

Покрывало было сорвано с седой старухи, работавшей на грязном дворе.

И все прачки, стряпухи для прислуги, прислужницы на самые низкие должности, оставленные во дворце только за безобразие, оказались налицо.

Только евнухи могли смотреть на них без отвращения. Эбн-Эль-Даид всплеснул руками

– Какое безумие, словно чума, поразило мой двор?! Где были ваши глаза? Вы изменили там, где не было даже цехина, чтоб заплатить за вашу измену! Рахейд, лги мне! Правда, которую я вижу, слишком безобразна!

И Рахейд выступил вперед и с поклоном сказал:

– Мне не надо осквернять ложью юных уст, которые привыкли, чтоб правда скользила по ним! Гнев – дурное стекло, повелитель! Он искажает предметы, на которые через него смотрят! Право, повелитель, Акнэ вовсе не так плоха, как тебе кажется в твоем гневе! У нее, – это правда, –

один глаз. Но разве не одно солнце светит на небе? И мы находим его прекрасным. И мы находим это достаточным. Оно дает нам довольно и света и зноя. И безумцем мы назвали бы того, кто потребовал бы еще одного солнца: «будет светлее».

– Повелитель! Будь справедлив! – воскликнул второй юноша. – И прежде чем произнести приговор, взгляни не на одни недостатки того, кого судишь, но и на его достоинства. Пока я говорю тебе, прикажи моей милой пройти перед тобой под звук моих речей. И гляди! Она хрома и кривобока. Но не сравниваем ли мы женщину с пальмой, когда хотим похвалить ее стройность? Видал ли ты пальму, повелитель, когда бушующий ветер качает ее ствол? Какой красивый изгиб! Вели идти моей милой! Смотри! Она колышется, как пальма, наклоненная ветром. Как ствол пальмы под напором ветра, изогнулся ее стан! С пальмой только, с пальмой во время бури, сравню я милую мою!

– Повелитель! – воскликнул третий юноша. – Вся природа кажется мертвой во время затмения солнца. Лицо моей милой закрыто чадрой, и как мертвые немеют мои уста! Повелитель, она стара! Костер угасает и покрылся белым пеплом седин. Но под пеплом еще горят потухающие угли,

– ее глаза. Они еще горят, и пламя можно раздуть! Она стара, – но как прекрасна в тени олеандров, когда мы играем в прятки с луной. А когда любопытная луна найдет нас и защекочет своими лучами, чтоб пробудить от сладкого забвенья, – как сверкнут на лунном свете белые волосы моей милой! Как девственные снега вершин прекраснейших гор! У нее один зуб,

– но как изумруд сверкает он! А любоваться тончайшей сетью мельчайших морщин на ее лице, – любоваться изящнейшей работой художника –

природы! Повелитель! Те искры, что тлеют в глазах ее, жгли меня в любовных сновидениях! Повелитель, нет женщины прекраснее на свете!

– Довольно! – крикнул султан Эбн-Эль-Даид. – Не оскорбляйте красоты! Кто оскорбляет душу человека, – оскорбляет мысли аллаха. Кто оскорбляет тело, – оскорбляет слова аллаха, в которые он вложил свои мысли! Ваши речи – богохульство против природы! Молчите!

Он схватился за голову:

– О мудрость! Как мудра ты здесь, в доме мудреца! Какие глупости способна ты наделать, стоит тебе выйти на улицу! Чем началось, и чем кончилось? Вы мудро ушли с дороги, украшенной

цветами, и глупо украсили себя пожелтевшими, сгнившими листьями. Выгнать этих красавиц для ослепших, воровок поцелуев, назначенных другим! С восходом солнца объявить всему городу и всей стране, что сад мой открыт для всех женщин! Я позволяю им рвать цветы, какие они хотят и сколько они хотят!

И в отчаянии он воскликнул:

– Я отменяю ранее сделанное мною распоряжение! Я отменяю все сделанные мною раньше распоряжения!

И, схватившись за голову, Эбн-Эль-Даид, шатаясь, ушел во внутренние покои, повторяя:

– О, самое мудрое ученье! Каких глупостей наделаешь ты, едва выйдя на улицу!

И снова сады дворца, – даже днем, – наполнились красивыми женщинами.

Только султан Эбн-Эль-Даид не принимал участия в общем веселье.

Он заперся в своих покоях, погруженный в размышления.

Он писал мудрые учения.

Потому что был мудр.

И сжигал их.

Потому что был очень мудр.

Он боялся, чтоб мудрость, выйдя на улицу, не наделала самых глупых дел.

Влас ДОРОШЕВИЧ. Ertekiler